

12. Сиротина, О.Б. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI в. / О.Б. Сиротина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 29-42.

13. Солганик, Г.Я. Лексика газеты / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.

Е.С. Скобликова

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Самарский государственный университет

Изучение орфографии – первый шаг в овладении навыками письменной речи. В дальнейшем же на протяжении всей жизни уровень владения этими навыками остаётся одним из показателей общей культуры человека, немаловажным для его имиджа.

Естественно, что усвоение орфографических навыков осуществляется через разные каналы, в том числе через зрительное восприятие правописания языковых единиц, чему в русском письме способствует его морфологический принцип. Лингвистическое же осмысление достигается школьным обучением, обращением к справочной литературе. Специальные знания призваны обеспечивать не только навыки правильного письма, но (как и в любой другой области культуры) и умение сознательно, аналитически оценивать орфографические нормы письменной речи.

К сожалению, вместе с несомненным прогрессом, связанным с установкой на коммуникативную направленность современного школьного обучения русскому языку, выразившуюся в широком включении в школьные учебники теоретических и практических речеведческих материалов, заметно снизилось внимание к материалам орфографическим и даже собственно грамматическим.

Сведения по орфографии часто оказываются обеднёнными, не имеющими объяснительного характера. Нередко они сопровождаются единичными примерами, не обеспечивающими наглядного представления о той или иной орфографической закономерности. Формулировки правил не лишены неточностей.

С учетом трёх комплексов учебников для общеобразовательных школ (М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов; В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой; учебников под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта) орфографические материалы анализируются в нашем пособии “Обобщающая работа по орфографии” (М.: Дрофа, 2005). Почти каждый

раздел этой книги, раскрывая (в том числе в таблицах и схемах) логику выбора определённых орфографических вариантов, содержит “Комментарии к школьным учебникам”.

В пределах настоящей статьи мы остановимся лишь на некоторых орфографических материалах указанных выше учебников. Сразу оговорим неодинаковый уровень эффективности соответствующих материалов в разных учебниках, привлекая, наряду с этим, и данные вышедшего в 2006 году издания – “Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник” (М.: Эксмо, 2006)¹.

Один из примеров прямой неточности: в учебнике М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов (5 кл.) из издания в издание повторяется утверждение: “Буква *ы* после *ц* пишется: а) в окончаниях и **суффиксах**...” (ср. в действительности: *практицизм, публицист, провоцировать* т.д.). Общее содержание правила (не по пунктам, а суммарно) иллюстрируется в конце пятью примерами – по одному на каждый пункт: “*цифра, лекция*, (на -ция); *с улицы, сестрицын, цыганский* (искл.)”.

В учебнике для 6 кл. тех же авторов употребление *о* и *е* после шипящих и *ц* в суффиксах прилагательных характеризуется через указание: “под ударением пишется буква *о*, без ударения – буква *е*”. В составе иллюстраций 4 примера: *ежовый, вещевого, лицевой, торцовый*. Полностью отсутствуют при этом примеры с *о* после мягких шипящих типа *холщовой, парчовой, кумачовой*. Между тем именно с ними связаны ошибки и затруднения в выборе *о* или *ё* и только они способны вызвать заинтересованное внимание своеобразной неожиданностью для ученика: в отличие от них написания *ежовый, торцовый* воспринимаются как очевидные, “не стоящие внимания”. Написание без ударения *е*, а не *о* в словах *вещевой, лицевой* тоже представляется естественным, не требующим особых объяснений. Лингвистически не оправдано объединение в составе одного правила характеристики написаний после шипящих и *ц*: после *ц* ударный звук *о* всегда обозначается буквой *о*, а после шипящих – *о* или *ё* (в зависимости от типа соответствующей морфемы).

Одна из особенностей учебников М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов – в том, что употребление *о*, *ё*, *е* после шипящих характеризуется здесь разобщённо, по мере изучения флексий и суффиксов разных частей речи.

Иначе – обобщённо, со специальным вниманием к ударной позиции и, соответственно более точно и эффективно – употребление *о*, *ё*, *е* после шипящих характеризуется в учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой (5-9 кл., §41). Здесь картина использования этих букв охватывается почти полностью по отношению к корневым и к аффиксальным морфемам.

¹ Наша рецензия на это издание будет опубликована в ближайшем номере “Вестника СамГУ”.

Однако среди примеров с суффиксами прилагательных тоже только “*ежовый*, но *грушевый*” – без лексем типа *парчовый*, *холицовый*.

Цельность показа закономерностей выбора *о* – *ё* для обозначения *о* после шипящих в ударной позиции в наибольшей степени обеспечивается в учебниках под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта. Особенной наглядностью и точностью отличается здесь таблица, предлагаемая для осмысления в упражнении 81 (7 класс).

Если обратиться к написанию *о* и *ё* в корневых морфемах, то суть их употребления под ударением после шипящих при обобщающем рассмотрении в обоих указанных учебниках выражена одинаково. См. в учебнике под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта:

– *ё* употребляется, “если при изменении слова или в однокоренных словах *ё* чередуется с *е*”;

– *о* пишется, “если невозможно подобрать родственные слова с *е* в данном корне”¹.

Нельзя не выразить удивления по поводу того, насколько неудачнее по сравнению с указанными школьными учебниками правописание *о* и *ё* после шипящих в корневых морфемах интерпретируется в “Правилах русской орфографии пунктуации. Полный академический справочник” (М.: Эксмо, 2006).

С одной стороны, здесь сформулированы (но разобщено, в перечислительном порядке, а не как составляющие единое правило!) те два положения, которые, как и в указанных выше учебниках, по существу исчерпывающе характеризуют основную закономерность выбора *о* и *ё*. См.:

– *о* употребляется: “6. В тех корнях русских (?) слов, где гласный *о* после шипящих всегда ударный и не чередуется с *э* (на письме с *е*): *жолкнуть* (и *пожолкнуть*), *жостёр*, *жо́х*, *ужо*, *чокаться*, *чокнутый*, *чомга*, *чопорный* <...>” (С. 29);

– *е* употребляется: “7. В тех корнях русских слов, где ударному гласному *о* соответствует в других однокоренных словах или формах гласный (ударный или безударный), передаваемый буквой *е*: жёлтый – *желтеть*, шёпот – *шептать*, чёрный – *чернеть* и под.” (С. 30-31).

¹ Непонятно, однако, почему в заголовочной части таблицы в общем ряду не упомянуты глагольные корни: “в корнях существительных и прилагательных под ударением пишется...” (Ср. аналогичную закономерность в словоформах *шёл* – *шедший*, *учёл* – *учесть*, *зажёг* – *зажечь* и под.) Единственным исключением здесь является как раз правописание с *о* единичных существительных, закреплённое для различения их с глаголами: *ожог*, *поджог*, *изжога*. Ср. *поджог дома* и *поджог дом*. Заметим также, что вопреки общей заголовочной части, где имеется в виду положение после шипящих, в ряду примеров с суффиксами и окончаниями даны словоформы *свинцовый*, *овцой*.

На фоне этих двух положений, формулирующих по сути одно правило (правда, как указывалось, разобщённо и “в обратном порядке”), три (!) других положения оказываются избыточными.

Так, в §18 отдельным (7-м) пунктом употребление *о* констатируется “в корнях заимствованных (иноязычных) слов <...> *боржоми, джокер, джонка* <...>, *мажор*<...>” (С. 29-30). Между тем это тоже слова, в которых ударное *о* “не чередуется с э (на письме с е)”, а противопоставление исконно русских и заимствованных слов не только неудобно для массового пользователя, но не проводится и в иллюстрациях к самим правилам: см. выше среди примеров “русских” слов лексику *жостер*.

Отдельным (6-м) пунктом в §19 выделено также употребление *ё* “на месте беглого *о* в глагольных формах прошедшего времени мужского рода: *жѐг* <...> (<...> ср. *зажгу, зажгла*), *-чѐл* (*прочѐл, учѐл* и др., ср. *прочла, учла*), *шѐл* <...> (ср. *шла, пришла, ушла*)” (С. 30). Необходимость этого пункта полностью снимается положением о том, что *ё* пишется в корнях, когда “ударному гласному *о* соответствует в других однокоренных словах <...> гласный, передаваемый буквой *е*” (С. 30-31). Все перечисляемые в данном пункте словоформы соответствуют данному положению: *жѐг* – *жечь*; *прочѐл* – *прочеть*; *шѐл* – *шедший*.

По отношению к корневым компонентам слов *жор, обжора, жом* столь же избыточно положение о написании *о* “на месте беглого гласного в именах существительных и прилагательных” (пункт 5, с. 29. Выделено нами – Е.С.): *о* здесь не чередуется с *е*. А объединение в этом пункте сведений о правописании корневых и суффиксальных морфем искаженно представляет всю систему, в которой употребление *о* или *ё* на месте ударного *о* после шипящих жестко зависит от характера соответствующей морфемы.

Дважды используемая в рассматриваемом разделе формула “на месте беглого гласного” ничего не проясняет в закономерностях выбора *о* или *ё*, осложняет процедуру этого выбора и даже понимание пользователями соответствующих фрагментов “Правил”. Более того, она недостаточно корректна лингвистически: буквы *о* или *ё* обозначают в рассматриваемых случаях ударный гласный *о* и употребляются “на месте звука *о*”, а не абстрактного “беглого гласного”.

Ни один из рассматриваемых выше источников не содержит лингвистически адекватной и методически эффективной характеристики такой сложной и в чем-то противоречивой системы, которая сложилась в области правописания двух или одного *и* в полных причастиях и отглагольных прилагательных.

Наиболее адекватно эта система характеризовалась вплоть до издания 2000 года в учебнике М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов. Во

главу угла здесь ставились четыре формальных условия употребления двух *н*, в первую очередь – наличие приставки.

Однако в последующих изданиях характеристика резко изменилась в сторону несконцентрированности сведений, их теоретической неясности – в сторону качеств, которые присущи также и материалам учебника под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта (6 кл., М., 2006, §28).

На правах собственно теоретического положения в новых изданиях учебника М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов стал выделяться лишь следующий фрагмент: “Две буквы *н* пишутся в суффиксах полных страдательных причастий прошедшего времени, образованных:

- от глаголов совершенного вида;
- от глаголов несовершенного вида.

Эти причастия имеют при себе пояснительные слова и являются главным словом причастного оборота” (7 кл. М., 2002, §21).

Во всех рассматриваемых школьных учебниках эксплицитно или имплицитно прослеживается тенденция однозначно и упрощённо связывать употребление двух *н* с причастиями, одного *н* – с отглагольными прилагательными. Соответственно, как отглагольные прилагательные рассматриваются лишь пишущиеся с одним *н* бесприставочные образования без зависимых слов. Так, в учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой (5-9 кл. М., 2006, § 139) в сочетании *маринованные грибы* (в отличие от *солёные грибы*) усматривается причастие (В учебнике под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта – 6 кл. М., 2006, §28 – образования на *-ованный* вообще не учитываются). Ни в одном из учебников последних изданий не упоминается о приставочных отглагольных прилагательных: *растерянный вид*, *смешанный лес*, *сдержанный тон* и под.

Между тем если в правописании полных форм различие причастий и отглагольных прилагательных в выборе одного или двух *н* практически неактуально (ср. *растерянные игрушки* и *растерянный вид*; *организованная в мае выставка* и *организованный человек* и под.), то в правописании кратких форм эти семантико-грамматические различия приобретают решающее значение: *Игрушки были растеряны* – *Лица были угрюмы* и *растерянны*; *В мае организована выставка* – *Дочка очень организована*¹.

В “Правилах русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник” (М.: Эксмо, 2000, §98) осложненность изложения в рассматриваемом разделе связана с тем, что сугубо частная группа прилагательных и причастий на *-ованный* неправомерно возведена в ранг исходной в общей логике изложения. В центре рассмотрения условий написания двух *н* здесь оказывается противопоставление образований

¹ Подробнее анализ соответствующих материалов см. в нашем пособии: Обобщающая работа по орфографии. – М.: Дрофа, 2005. – С. 50-53.

“на -ованный, -ёванный, -еванный” и “не на -ованный (-ёванный, -еванный)”.

При общей традиционности самих рассматриваемых написаний обращают на себя внимание два никак не оговариваемых и не объясняемых частных новшества – написание *считанные минуты / часы* и под. и *читанный – перечитанный* с одним *н*.

Перечень проявлений неточности или нецелесообразности в логике рассмотрения орфографических закономерностей и тенденций в изданиях, рассчитанных на массового пользователя, можно было бы продолжать. Но представляется, что и приведённых примеров достаточно для вывода: лингвистическое обеспечение орфографической культуры остаётся очевидно недостаточным.

Е.Н. Басовская

ОШИБКИ-СТАРОЖИЛЫ: “БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА” В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Российский государственный гуманитарный университет

Кто станет спорить с тем, что “чистота языка” – это прекрасно? Существительное “чистота” вообще окружено позитивными коннотациями. “Русский семантический словарь” фиксирует в ряду ближайших ассоциаций со словом “чистота” мейоративные прилагательные “аккуратный”, “подтянутый”, “пунктуальный”, “тщательный” [10: 546].

Естественно, “чистота” постоянно упоминается в лингвистических пособиях и справочниках в качестве обязательного качества хорошей речи [12: 51; 4: 217; 7: 751; 13: 366]. При этом под речевой “чистотой” подразумеваются весьма различные свойства текста – отсутствие нелитературных элементов, канцеляризм, лишних слов и так далее.

Несмотря на некоторую размытость понятия, общественному мнению свойственно осознавать “борьбу за чистоту языка” в качестве актуальной социокультурной задачи. Отражением и в то же время катализатором подобных умонастроений становится пресса, публикующая рассуждения специалистов и письма читателей, посвященные необходимости очищения языка от тех или иных “сорняков”, то есть чуждых и вредных явлений.

В данной статье анализируется “борьба за чистоту языка”, которую вела “Литературная газета” на протяжении первых тридцати лет своего существования (с 1929 по 1959 год).

Изучение публикаций “Литературной газеты”, касающихся культуры языка и речи, показало прежде всего значительное преобладание выступле-